

Научная статья

УДК 34:004:341.4:336.225.692:341.123

EDN: <https://elibrary.ru/ftfsob>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.22>

Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: имплементация концепции взаимной правовой помощи в цифровую эпоху

Яссин Абдалла Абделькарим

Экономический суд г. Асьют, Асьют, Египет

Ключевые слова

взаимная правовая помощь, киберпреступность, кибертерроризм, международное право, международное сотрудничество, международное уголовное право, право, цифровые технологии, экстрадиция, юрисдикция

Аннотация

Цель: исследовать эволюцию и сравнительную эффективность взаимной правовой помощи как практической альтернативы универсальной юрисдикции в контексте противодействия транснациональной киберпреступности на основе положений Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности.

Методы: в работе применен метод углубленного юридического анализа международных правовых инструментов с акцентом на нормативных положениях Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности. Автором проведено сравнительно-правовое исследование механизмов универсальной юрисдикции и взаимной правовой помощи, включающее изучение исторических прецедентов применения универсальной юрисдикции и эволюции концепции взаимной правовой помощи в рамках общего права, двусторонних и многосторонних международных соглашений. Особое внимание уделено анализу Гаагской конвенции о взаимной правовой помощи как образцовой модели организации международного сотрудничества. Исследование опирается на доктринальные разработки и практические результаты применения рассматриваемых правовых механизмов в борьбе с цифровыми угрозами.

Результаты: проведенный анализ продемонстрировал, что, несмотря на гуманитарный потенциал универсальной юрисдикции, позволяющей национальным судам осуществлять экстерриториальное преследование тяжких преступлений, ее практическое применение существенно затруднено вследствие противодействия со стороны суверенных государств и избирательного правоприменения под политическим влиянием. Эффективной консенсусной альтернативой

© Абделькарим Я. А., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

выступает механизм взаимной правовой помощи, способствующий международному сотрудничеству судебных систем и обеспечивающий координированное противодействие трансграничной киберпреступности при сохранении национального суверенитета. Установлено, что Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности эффективно интегрирует принципы взаимной правовой помощи через механизмы консультаций, координации юрисдикций, экстрадиции, передачи осужденных и уголовного производства.

Научная новизна: исследование предлагает новаторский подход к анализу соотношения традиционных и современных международно-правовых механизмов в условиях цифровизации глобального пространства. Автором обоснована концептуальная позиция, согласно которой эволюция взаимной правовой помощи, обусловленная как практикой общего права, так и современными договорными инициативами, представляет собой уникальный комплексный инструментарий, позволяющий преодолеть системные ограничения универсальной юрисдикции в эпоху цифровых технологий. Продемонстрировано, что взаимная правовая помощь де-факто создает консенсусную практику применения универсальной юрисдикции, основанную на добровольном согласии государств, что качественно отличает ее от традиционных подходов. Впервые проведен системный анализ имплементации принципов взаимной правовой помощи в специализированном международном договоре по киберпреступности.

Практическая значимость: полученные результаты подчеркивают критическую роль взаимной правовой помощи в укреплении глобального сотрудничества судебных органов и эффективном пресечении транснациональной киберпреступной деятельности. Исследование демонстрирует практическую эффективность Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности как действенного международно-правового инструмента, обеспечивающего баланс между суверенитетом государств и необходимостью международного судебного сотрудничества.

Для цитирования

Абделькарим, Я. А. (2025). Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: имплементация концепции взаимной правовой помощи в цифровую эпоху. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(4), 543–569. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.22>

Содержание

Введение

1. Взаимная правовая помощь и универсальная юрисдикция: противоречащие концепции
  - 1.1. Универсальная юрисдикция в международном праве: статус-кво
  - 1.2. Возникновение концепции взаимной правовой помощи
    - 1.2.1. Что такое взаимная правовая помощь?
    - 1.2.2. Международные соглашения: Гагская конвенция о взаимной правовой помощи

2. Конвенция ООН против киберпреступности

2.1. Краткое изложение концепции

2.2. Отсутствие универсальной юрисдикции

2.3. Обязательства по взаимной правовой помощи в Конвенции

2.3.1. Координация на основе консультаций

2.3.2. Принципы международного сотрудничества

2.3.2.1. Единая система экстрадиции

2.3.2.2. Передача осужденных преступников между государствами-участниками

2.3.2.3. Передача уголовного производства

2.3.2.4. Общие принципы взаимной правовой помощи

Заключение

Список литературы

Введение

Фундаментальной ценностью человечества является стремление к мирному сосуществованию во всем мире для обеспечения развития цивилизации, недопущения насилия и анархии. Чтобы избежать нежелательных последствий, международное сообщество использует глобальные правовые инструменты реализации правосудия. В международном праве существует ряд норм, обеспечивающих доступ к правосудию и укрепляющих верховенство права во всем мире. Одной из главных норм такого рода является универсальная юрисдикция, которая означает способность государства осуществлять судебное преследование за тяжкие преступления экстерриториально даже в отсутствие прямой связи с преступным деянием. Национальные суды могут привлекать преступников к ответственности за тяжкие преступления по всему миру, обеспечивая доступ к правосудию. Несмотря на свои гуманитарные цели, универсальная юрисдикция сталкивается с серьезными препятствиями, которые затрудняют ее применение. По мотивам соблюдения суверенитета государства могут отказываться от иностранной юрисдикции в связи с преступлениями, совершенными на их территории. Кроме того, глобальную надежность универсальной юрисдикции подрывает ее избирательное применение под политическим влиянием.

Таким образом, принципы правосудия потребовали разработать норму, которая заменила бы универсальную юрисдикцию, но в то же время обеспечивала бы достижение гуманитарных целей. Для поддержания суверенитетов эта норма подразумевала введение с согласия государств. Затем в международное право была введена концепция взаимной правовой помощи (далее – ВПП) как практическая альтернатива универсальной юрисдикции. ВПП предполагает согласованный обмен обязанностями по судебному сотрудничеству между государствами в целях борьбы с тяжкими преступлениями на глобальном уровне. Международное общее право опирается на принципы ВПП, которые были сформированы путем включения этой концепции в двусторонние и многосторонние соглашения. Эффективность ВПП в борьбе с международной преступностью позволила использовать его и в цифровой сфере, где тяжесть преступлений по-прежнему угрожает осуществлению правосудия.

Открытость и безграничность киберпространства обуславливают универсальность преступных деяний, совершаемых в нем. Последствия киберпреступлений в реальном мире выходят далеко за пределы национальных границ. Чтобы избежать

правового вакуума в киберпространстве, юридическая доктрина и практика стремятся использовать традиционные универсальные правовые понятия в борьбе с киберпреступлениями. Однако невозможность применения универсальной юрисдикции вызвала необходимость поиска адекватной альтернативы. Для содействия глобальному сотрудничеству судебных систем в борьбе с киберпреступностью был введен механизм ВПП.

В исследовании изучено применение концепции ВПП в международных договорах, касающихся киберпреступности, истоков данной концепции и ее связи с соответствующими нормами международного права, а именно с универсальной юрисдикцией. Автор рассматривает Конвенцию ООН о киберпреступности как важный международно-правовой документ по борьбе с киберпреступностью, продемонстрировавший эффективное применение нормы ВПП. Работа представляет собой всеобъемлющее исследование существующих правовых подходов к включению ВПП в соглашения, касающиеся цифровой сферы.

1. Взаимная правовая помощь и универсальная юрисдикция: противоречащие концепции

Универсальная юрисдикция и взаимная правовая помощь – это важнейшие концепции в борьбе с трансграничными тяжкими преступлениями. Универсальная юрисдикция позволяет национальным судам осуществлять уголовное преследование за тяжкие преступления экстерриториально. Однако ее применению часто препятствуют политические и правовые проблемы, поскольку не все страны одинаково оценивают ее сферу применения. Концепция взаимной правовой помощи проявляется в схемах межгосударственного сотрудничества, направленных на содействие судебным преследованиям за трансграничные преступления. Однако полноценной реализации соглашений о взаимной правовой помощи препятствуют серьезные процедурные и юридические проблемы. Это указывает на противоречивую связь между обоими понятиями.

1.1. Универсальная юрисдикция в международном праве: статус-кво

В работе Abdelkarim (2024) универсальная юрисдикция определяется как способность государства преследовать в судебном порядке международные преступления независимо от того, где они произошли и от гражданства вовлеченных сторон. Это правовой инструмент для борьбы с преступлениями, которые угрожают мировому порядку, такими как геноцид и военные преступления. Согласно исследованию Yee (2011), международная судебная практика заложила основы логики универсальной юрисдикции; так, Международный суд в деле *Barcelona Traction*¹ указал на обязательство *erga omnes* («в отношении всех») для государств и других членов международного сообщества – обязательство применять национальную юрисдикцию всякий раз, когда возникает угроза фундаментальным правам человека. Каждое государство юридически заинтересовано в использовании национальных судебных инструментов для пресечения грубых нарушений прав человека.

¹ Case concerning the *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Second Phase*, Judgment. ICJ Reports. (1970).

Кроме того, универсальная юрисдикция поддерживается международными договорами и международным обычным правом, хотя ее толкование может быть различным. Обычное право и международные судебные решения способствовали признанию этой нормы в качестве принципа судебного преследования за основные международные преступления. Ученые указывают, что универсальная юрисдикция представляет собой важный этап развития международного уголовного правосудия, так как позволяет государствам и международным органам осуществлять судебное преследование за тяжкие преступления независимо от того, где они произошли, и от гражданства причастных к ним лиц. Этот принцип ограничивает безнаказанность международных преступников и укрепляет глобальную справедливость перед лицом серьезных нарушений прав человека. Как отмечает Mung'omba (2022), важно, что отсутствует требование прямой связи между органом уголовного преследования и местом совершения преступления; это отличает данную норму от обычных территориальных законов.

Применение универсальной юрисдикции в отношении основных международных преступлений соответствует императивной норме *jus cogens* – обязанности международного сообщества защищать права человека и обеспечивать мир во всем мире (Abdelkarim, 2024). Этот подход подтверждается позицией Комиссии по международному праву о том, что защита основных прав человека и запрещение тяжких преступлений, таких как военные преступления, агрессия и рабство, создают международную обязанность по вмешательству (James et al, 2016; Pielemeier, 2025). В этой связи Hartig (2023) проводит четкое различие между универсальной юрисдикцией и другими подобными принципами международного права. Ученый подчеркивает, что универсальная юрисдикция однозначно позволяет государству выступать в качестве представителя международного сообщества, осуществляя судебное преследование без какой-либо связи между местом совершения преступления и юрисдикцией судебного преследования. Это отличается от случаев, когда государство преследует иностранца за преступление, совершенное за границей, – такое преследование подпадает под принцип представительства, поскольку государство действует исключительно от своего имени, а не от имени международного сообщества. Кроме того, Hartig (2023) противопоставляет универсальную юрисдикцию юрисдикции, основанной на международных договорах. Последняя определяется конкретными положениями договора и процессами ратификации на национальном уровне, тогда как универсальная юрисдикция выступает в качестве самостоятельного правового принципа. Ее легитимность и применимость подкрепляются международными правовыми прецедентами, восходящими к эпохальному Нюрнбергскому процессу, который помог сформулировать концепцию универсальной юрисдикции как инструмент судебного преследования за тяжкие международные преступления.

Однако в работе Fernandez-Jankov (2025) подвергается сомнению традиционное понятие государственного суверенитета. Утверждается, что применение универсальной юрисдикции на национальном уровне является не факультативной, а фундаментальной обязанностью в рамках международного права. Автор подчеркивает, что универсальная юрисдикция отличается от других юрисдикционных оснований, таких как территориальность, гражданство или принцип протекционизма, поскольку она не опирается на связь между государством и преступлением. Вместо этого она предписывает государству принимать меры против международных преступлений, нарушающих основные императивные нормы (*jus cogens*), включая геноцид, пытки

и преступления против человечности. Более того, по мнению автора, универсальная юрисдикция выступает в качестве *conditio sine qua non* («непременного условия») для выполнения международных правовых обязательств. Иными словами, каждое государство обязано либо преследовать в судебном порядке, либо выдавать лиц, обвиняемых в таких тяжких преступлениях, независимо от их связи с его территорией. Такая коллективная ответственность подчеркивает идею о том, что эти преступления являются преступлениями против всего международного сообщества, а не проблемой отдельного государства, тем самым укрепляя верховенство закона в глобальном масштабе. В конечном счете этот подход дает новое определение юрисдикции государств: традиционные юрисдикционные методы предоставляют государствам определенную свободу действий, основанную на территориальных или национальных критериях; напротив, универсальная юрисдикция налагает императивную обязанность, выходящую за эти рамки, – обязанность обеспечивать привлечение к ответственности за международные преступления во всем мире.

Несмотря на гуманитарные цели универсальной юрисдикции, без четко определенных рамок возникает риск ее неправильного применения в качестве политического инструмента (Yee, 2011; Abdelkarim, 2024). Когда иностранные суды вмешиваются в национальные правовые вопросы, они могут, по сути, стать «тиранами» по отношению к своим собственным политикам или неполитическим международным преступникам, тем самым подрывая суверенитет и независимость национальных судебных органов. В работе Yee (2011) подчеркивается избирательное применение универсальной юрисдикции, мотивированное чисто политическими стимулами и опирающееся исключительно на политическую силу соответствующего государства в международном сообществе. В частности, при полном отсутствии всеобъемлющего договора об универсальной юрисдикции, регламентирующего сферу ее применения, преобладают нежелательные формы ее применения, приводящие к последствиям, которые противоречат чисто гуманитарным целям универсальной юрисдикции.

В этой связи особенно критические высказывания исходят от стран Африканского союза, которые рассматривают подобную практику как западную тактику контроля или подчинения африканских правовых систем². Страны Африканского союза подчеркивают, что внутренним судебным разбирательствам следует уделять приоритетное внимание и что международные вмешательства (например, дело против бывшего президента Судана Омара эль-Бешира) нарушают принцип взаимодополняемости, согласно которому международная юрисдикция остается второстепенной, если национальные суды еще не приняли соответствующих мер. Более того, африканские делегаты на заседаниях ООН подчеркивали, что применение универсальной юрисдикции должно учитывать уникальные особенности национальных судебных систем³. Требование получения согласия национальных судебных органов до начала иностранного разбирательства является ключом к предотвращению избирательного или предвзятого судебного преследования.

---

² African Union Doc PSC.PR/COMM. (DXIX) Communiqué, Peace and Security Council 519th. (2015, June 26). <https://clck.ru/3Qfc7s>

³ The UNGA Sixth Committee (Legal). (2021, October 22). Concluding Debate on Universal Jurisdiction Principle, Sixth Committee Speakers Wrestle with Challenging Balance between State Sovereignty, Fighting Impunity. (SEVENTY-SIXTH SESSION, 15TH MEETING (AM)), GA/L/3642. <https://clck.ru/3QfcA2>

В конечном счете злоупотребление универсальной юрисдикцией подрывает международный правопорядок и обостряет дипломатические отношения, а также ставит под угрозу эффективное судебное преследование за тяжкие преступления, позволяя высокопоставленным преступникам избегать правосудия, тем самым способствуя созданию атмосферы безнаказанности. Этот вывод побуждает к дальнейшим размышлениям о поддержании баланса между международным правосудием и национальным суверенитетом, как и об обеспечении того, чтобы борьба с грубыми нарушениями прав человека не смешивалась с политической повесткой. Таким образом, преимущества универсальной юрисдикции требуют разработать механизм, способный учесть все практические аспекты ее применения.

1.2. Возникновение концепции взаимной правовой помощи

1.2.1. Что такое взаимная правовая помощь?

Поскольку практика использования универсальной юрисдикции для судебных преследований за тяжкие преступления представляет значительные сложности, в правовых системах разных стран было принято новое понятие, облегчающее указанную задачу. Таким образом, механизм взаимной правовой помощи стал ключевым в международной юридической практике. Взаимная правовая помощь (Mutual Legal Assistance, MLA) – это важный механизм международного сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью. Он дает возможность государствам сотрудничать для предупреждения, расследования преступлений и судебного преследования преступников, которые пытаются использовать границы юрисдикций для уклонения от правосудия.

По определению Европейской комиссии, взаимная правовая помощь – это процесс сотрудничества, в рамках которого страны обмениваются информацией и собранными доказательствами для поддержки расследований трансграничных уголовных преступлений (Abdelkarim, 2024). В ответ на сложности применения универсальной юрисдикции, особенно риски снижения независимости национальных судебных систем, государства заключили многосторонние соглашения, способствующие организации межгосударственного сотрудничества в судебной сфере. Такой подход гарантирует, что судебные разбирательства, возбуждаемые в рамках взаимной правовой помощи, будут осуществляться с согласия и при координации заинтересованных государств-участников, тем самым сохраняя независимость и надежность национальных судебных органов, одновременно позволяя бороться с международной преступностью.

Примечательным примером в области ВПП служит дело Бостонского колледжа, в котором были подняты важные правовые и этические вопросы, связанные с ВПП и сложностями международного сотрудничества в уголовных расследованиях. В этом деле речь шла о применении международного договора между США и Великобританией об обмене доказательствами. При этом возникло противоречие с обещанием конфиденциальности, данным свидетелям по делу⁴. С точки зрения этики на первый план вышло понятие ответственности следователей и официальных органов за защиту участников дела, особенно в таком сложном контексте, как состояние общества

---

⁴ Harrington, J. (2012). Mutual legal assistance, Boston College, and tales from the Troubles, EJIL TALKS. <https://clck.ru/3QfhBd>

после конфликта. Нарушение конфиденциальности не способствует участию граждан в подобных проектах в будущем, что потенциально подрывает усилия по сохранению исторической справедливости. Кроме того, этот пример поднимает вопросы о моральных обязательствах академических учреждений, когда они сталкиваются с юридическими требованиями, противоречащими их этическим принципам.

Однако в международном праве по-прежнему отсутствует комплексный подход к толкованию ВПП и ее интеграции в практическую правовую базу. Настоятельно необходим многосторонний правовой инструмент, направленный на укрепление межгосударственного сотрудничества в области взаимной правовой помощи и экстрадиции в целях судебного преследования за международные преступления.

1.2.2. Международные соглашения: Гагская конвенция о взаимной правовой помощи

Ключевым проявлением ВПП является заключение договоров о взаимной правовой помощи, которые представляют собой двусторонние или многосторонние соглашения, способствующие сотрудничеству между правительствами в области уголовных расследований и судебного преследования (Vũ, 2023). Эти договоры имеют решающее значение для борьбы с преступлениями с участием иностранных элементов и транснациональной организованной преступностью. Запросы о предоставлении ВПП обычно направляются высокопоставленными должностными лицами, такими как генеральные прокуроры, от имени правоохранительных органов или прокуратуры, что обеспечивает структурированный подход к обмену доказательствами и опытом в масштабах всего мира.

В исследовании De Busser (2017) показана многовековая, но до сих пор недооцененная история взаимной правовой помощи, особенно ее связь с институтом экстрадиции. Истоки экстрадиции как формы межгосударственного сотрудничества в уголовных делах восходят к древним договорам, таким как договор между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттусили. Ключевой особенностью этих соглашений была взаимность, отражающая их основную направленность на защиту государственных интересов, а не отдельных лиц. Другим историческим аспектом ВПП является использование дипломатических каналов для передачи запросов; эта практика отражена в самых древних соглашениях. Это подчеркивает ориентированный на государство характер таких механизмов сотрудничества. После Второй мировой войны данный механизм приобрел европоцентристский характер благодаря тому, что в 1959 г. Советом Европы была принята конвенция, организующая европейскую систему ВПП. На уровне ООН понятие ВПП было непосредственно включено в Конвенцию ООН 2004 г. против организованной преступности⁵. Статья 18 этой Конвенции призывает государства-участники использовать ВПП для борьбы с транснациональной организованной преступностью, поскольку этот механизм доказал свою эффективность в борьбе с трансграничной незаконной деятельностью. Универсальный характер ВПП позволяет усилить меры государств по пресечению международных преступлений при полном соблюдении внутреннего законодательства.

---

⁵ United Nations Convention against transnational organized crime and the protocols thereto. (2004). UN. <https://clck.ru/3QfcGa>

Гаагская конвенция о взаимной правовой помощи⁶, принятая 26 мая 2023 г., представляет собой образец организации универсальной юрисдикции между государствами-участниками. В ее преамбуле указано, что борьба с безнаказанностью за совершение тяжких международных преступлений является всеобщей обязанностью государств, которые должны объединить свои юридические усилия для обеспечения того, чтобы преступники не избежали правосудия (Sadat, 2023). Для достижения этой цели в Конвенции дается новое определение понятия «тяжкое преступление», с тем чтобы судебные органы имели четкий критерий для применения предусмотренных механизмов. Ключевой особенностью данного документа является распространение юрисдикции государства на преступления, совершенные за его границами, когда преступник находится на территории государства (Sadowski, 2025). Конвенция устанавливает прочные многосторонние рамки и кодифицирует четкие обязательства для обеспечения их применимости и эффективности. Такие твердые, основанные на международных договорах обязательства редко встречаются в соглашениях, которые основаны исключительно на обычном международном праве, или в слабо структурированных двусторонних договорах. Таким образом, Конвенция предусматривает соблюдение независимости национальных судебных органов, оговаривая согласие государства на осуществление судебного разбирательства в соответствии с соглашением.

Важной особенностью Конвенции является обязательство *aut dedere aut judicare* («либо выдавать, либо осуществлять судебное преследование»). Это положение подразумевает, что государство, в котором обнаружен преступник, должно либо передать дело, либо осуществлять судебное преследование лица, находящегося под его юрисдикцией (как указано в ст. 8). Это требование действует как форма взаимной правовой помощи, гарантируя сотрудничество государств путем передачи дел таким образом, чтобы уважалась независимость судебной власти каждой стороны⁷. Для устранения практических трудностей, связанных с трансграничным судопроизводством, Конвенция предусматривает использование дистанционных видеоконференций и телекоммуникаций. Тем самым гарантируется, что свидетельские показания и экспертные заключения могут быть эффективно собраны и заслушаны в ходе судебных разбирательств, даже если свидетели физически не присутствуют в зале суда, что повышает общую эффективность судебного процесса (Sadat, 2023). Такой подход не только укрепляет сотрудничество между государствами-участниками, но и модернизирует судебные процедуры, обеспечивая сохранность ключевых доказательств и отправление правосудия, несмотря на географические ограничения.

Однако это положение первоначально встретило противодействие со стороны Франции и Великобритании⁸. Эти государства утверждали, что требование

---

⁶ Government of the Republic of Slovenia. (2023). The Ljubljana–The Hague Convention on International Cooperation in the Investigation and Prosecution of the Crime of Genocide, Crimes against Humanity, War Crimes and Other International Crime. <https://clck.ru/3Qfd7t>

⁷ Pillai, P. (2023, August 4). Symposium on Ljubljana – The Hague Convention on Mutual Legal Assistance: Critical Reflections – Lessons Learned: Civil Society Engagement in Treaty Negotiations. *OpinioJuris*. <https://clck.ru/3QfhHm>

⁸ Government of the Republic of Slovenia. (2023). Final document – English: Mutual Legal Assistance and Extradition Initiative (MLA Initiative). <https://clck.ru/3Qfd8n>

о присутствии ответчика четко не закреплено ни в договоре, ни в международном обычном праве, и поэтому требовали гибкого подхода к его применению (Sadat, 2023). В конечном итоге консенсус был достигнут с помощью механизма, основанного на оговорках, который позволяет государствам-участникам ограничивать сферу применения ст. 8 в соответствии с внутренним законодательством (Sadowski, 2025). Конвенция содействует международному сотрудничеству в правовой сфере и предусматривает гарантии, которые защищают независимость национальных судебных органов, одновременно усиливая возможности глобальной борьбы с тяжкими преступлениями. Этот документ знаменует собой значительный шаг вперед в приведении международной юридической практики в соответствие с необходимостью последовательного и четкого применения универсальной юрисдикции.

Определяя сотрудничество как обязательство по оказанию взаимной правовой помощи, Конвенция укрепляет приверженность государств взятым на себя обязательствам, не подрывая при этом внутренние судебные процессы. Многие более ранние документы несли риск ослабления национальной правовой целостности в результате иностранного вмешательства (Sadowski, 2025). Напротив, Конвенция, основанная на принципах взаимной помощи и уважения национального суверенитета, укрепляет доверие между государствами-участниками и обеспечивает скоординированный и надежный процесс в сфере международного уголовного правосудия. В этом контексте Pillai⁹ утверждает, что Конвенция де-факто вводит консенсусную практику универсальной юрисдикции. Концепция правовой помощи направлена на преодоление суверенного противодействия универсальной юрисдикции, поскольку государства, как правило, допускают иностранное судебное разбирательство в соответствии с обязательством о консенсусной ВПП в рамках договора (Sadowski, 2025). Возникает традиция согласованности, что повышает применимость универсальной юрисдикции в международной юридической практике благодаря ее единой структуре, которая способствует устранению материально-технических и юридических препятствий в целях судебного преследования за грубые нарушения прав человека.

Таким образом, по сравнению с другими международно-правовыми соглашениями (будь то двусторонние договоры о взаимной правовой помощи, региональные конвенции или более широкие документы, такие как Римский статут), Гагская конвенция о взаимной правовой помощи предлагает более структурированный и технологически адаптивный механизм международного сотрудничества при соблюдении суверенитета. Документ отличается четкой кодификацией обязательств и обеспечивает такие меры, чтобы в процессе борьбы с безнаказанностью за тяжкие международные преступления поддерживались как принципы глобального правосудия, так и независимость национальных судебных систем.

---

⁹ Pillai, P. (2023, August 4). Symposium on Ljubljana – The Hague Convention on Mutual Legal Assistance: Critical Reflections – Lessons Learned: Civil Society Engagement in Treaty Negotiations. *OpinioJuris*. <https://clck.ru/3QfhHm>

2. Конвенция ООН против киберпреступности

2.1. Краткое изложение концепции

После 20 лет дискуссий и переговоров Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единогласно приняла Всеобщую конвенцию против киберпреступности¹⁰. Целью этого документа является укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и обмен электронными доказательствами тяжких преступлений. Это событие стало результатом масштабных усилий, начатых в соответствии с резолюцией ООН 74/247 (2019). Резолюция учредила комитет неограниченного состава для разработки глобальной конвенции о борьбе с преступным использованием информационно-коммуникационных технологий с учетом существующих международных и региональных мер. В соответствии с резолюцией 75/282 (2021) с января 2022 г. комитет начал в Нью-Йорке и Вене подготовку проекта конвенции для 78-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В предлагаемой Конвенции ООН против киберпреступности подчеркивается настоятельная необходимость международного сотрудничества для предотвращения киберпреступности и борьбы с ней, с учетом ее негативных экономических, социальных и правовых последствий (Osula, 2015). Это обеспечит инструменты и правовую базу для борьбы с киберпреступностью и облегчит обмен доказательствами в электронной форме по различным преступлениям, таким как отмывание денег, терроризм, торговля людьми, коррупция, наркоторговля.

Конвенция была официально принята 24 декабря 2024 г., ознаменовав общемировой консенсус относительно необходимости объединения усилий государств по борьбе с киберпреступлениями для обеспечения безопасности коммуникаций между людьми в киберпространстве. Как указано в ее преамбуле, коммуникационные технологии в киберпространстве обладают огромным потенциалом для развития общества и открывают возможности для преступной деятельности, которая наносит ущерб отдельным лицам, бизнесу и государствам. Эти технологии способствуют увеличению масштабов, частоты и тяжести таких преступлений, как терроризм, торговля людьми, контрабанда, наркопреступления и кражи культурных ценностей. Поэтому для борьбы с киберпреступностью существует огромная потребность в глобальной политике уголовного правосудия, включая законодательство, процессуальные полномочия и международное сотрудничество в рамках договоров. Меры противодействия включают в себя лишение киберпреступников убежища посредством судебного преследования, усиление координации на государственном уровне и предоставление технической помощи, особенно развивающимся странам, для укрепления их систем и потенциала в области предотвращения, выявления, расследования и судебного преследования киберпреступлений.

2.2. Отсутствие универсальной юрисдикции

В пункте 2 ст. 22 Конвенции говорится, что государство-участник может устанавливать национальную юрисдикцию с учетом принципа пассивной правосубъектности. Государство-участник может экстерриториально преследовать лиц, совершивших

---

¹⁰ UN General Assembly adopts milestone cybercrime treaty. (2024, December 24). <https://clck.ru/3Qfd9n>

киберпреступления, если пострадавший имеет гражданство этого государства. Это положение отражает ограниченность применения универсальной юрисдикции, поскольку установление экстерриториальной юрисдикции обусловлено гражданством пострадавшего. Юрисдикция государства-участника в отношении преследования за киберпреступления в соответствии с данной Конвенцией не является абсолютной, несмотря на ее универсальную направленность. Более того, скептики ведут ожесточенные дебаты относительно принципа пассивной правосубъектности в вопросах суверенитета, надлежащей правовой процедуры и последствий в области прав человека.

В работе Scher-Zagier (2024) показано, что ст. 22 Конвенции вызвала значительные дебаты из-за ее юрисдикционных положений, в частности, включения юрисдикции пассивной правосубъектности. Как было указано выше, этот принцип позволяет государству заявить свою юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных за пределами национальных границ, если его гражданам причинен ущерб. Хотя этот подход направлен на борьбу с транснациональной киберпреступностью, он вызывает опасения по поводу соблюдения суверенитета и превышения правовых полномочий. Критики утверждают, что, принимая это положение, государства фактически отказываются от своего исключительного права регулировать поведение своих граждан на своей территории (Scher-Zagier, 2024). В результате одно государство применяет свои законы экстерриториально, вступая в противоречие с внутренним законодательством другого государства. Такой сценарий международного правосудия в цифровой сфере не внушает оптимизма, поскольку юрисдикционные коллизии серьезно затрудняют судебное преследование. Тем не менее сторонники этого подхода представляют его как необходимый инструмент для борьбы с киберпреступностью, которая часто выходит за рамки границ и использует пробелы в юрисдикции (Scher-Zagier, 2024). Это положение отражает растущую потребность в международном сотрудничестве в борьбе с преступлениями, от которых страдают физические и юридические лица во многих странах. Поэтому указанный автор выступает за юрисдикцию пассивной правосубъектности, рассматривая ее как революционное применение традиционных юрисдикционных понятий, адаптируемых к специфическому универсальному характеру киберпреступлений.

Поскольку киберпреступность выходит за рамки национальных границ и использует анонимность, присущую киберпространству, традиционные пределы юрисдикции должны уступить место более универсальному правовому мандату на преследование киберпреступников. В работе Kittichaisaree (2017) утверждается, что технические проблемы (особенно связанные с облачными вычислениями) усложняют внедрение универсальной юрисдикции в киберпространстве, поскольку сразу несколько государств могут применять экстерриториальную юрисдикцию в отношении облачных операций. Автор отмечает, что существующие правовые инструменты позволяют привлекать к ответственности за несанкционированную трансляцию с судна, находящегося в открытом море, и распространяет это обоснование на кибертрансляции, осуществляемые такими интернет-платформами, как Facebook¹¹

---

¹¹ Социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

и YouTube¹². Соответственно, государства получают законные основания для применения своей юрисдикции в борьбе с киберпреступниками. Учитывая быстрое распространение и низкую стоимость киберпреступной деятельности по сравнению с ее серьезными последствиями, Kittichaisaree (2017) приходит к выводу, что необходимо универсализировать Будапештскую конвенцию о киберпреступности (2014), чтобы создать глобальную основу для судебного преследования кибертеррористов. Аналогичным образом, опираясь на устоявшийся международно-правовой принцип *aut dedere aut judicare* («либо выдавать, либо осуществлять судебное преследование»), Iftikhar (2024) утверждает, что государства должны взять на себя активную ответственность за обеспечение того, чтобы киберпреступники не уклонялись от правосудия. На практике это означает, что если на территории какого-либо государства выявлен киберпреступник, то это государство должно либо преследовать данное лицо в судебном порядке в соответствии со своей правовой системой, либо экстрадировать его в юрисдикцию, которая готова и способна рассматривать это дело. Этот подход предлагается как необходимый ответ на вызовы, связанные с трансграничностью киберпространства, где традиционные механизмы юрисдикции оказываются неэффективными (Iftikhar, 2024). Универсальная юрисдикция обеспечивает прочную правовую основу для совместной и эффективной международной борьбы с киберпреступностью, делая необходимым судебное преследование или экстрадицию предполагаемых преступников независимо от того, где именно в цифровой сфере они совершили преступления.

Исходя из этой логики, юрисдикция пассивной правосубъектности, о которой говорится в ст. 22(2) Конвенции, оказывается недостаточной для пресечения действий киберпреступников, поскольку она ограничивает национальную юрисдикцию условием *prima facie*: пострадавший является гражданином конкретной страны. Таким образом, Конвенция лишает государства-участники возможности судебного преследования за киберпреступления в отсутствие этой процессуальной связи, что препятствует глобальным усилиям по обеспечению правосудия в цифровой сфере. Поскольку в процессе обсуждения государства-участники строго выступали за суверенитет, Конвенция признала пассивную правосубъектность в качестве ограниченной практической альтернативы универсальной юрисдикции. Однако как практическая альтернатива пассивная правосубъектность никогда не сможет восполнить пробел вместо универсальной юрисдикции. Таким образом, Конвенция включила понятие ВПП в качестве обязательства государств-участников обеспечивать всеобщее судебное преследование за киберпреступления и не дать виновным уйти от наказания.

2.3. Обязательства по взаимной правовой помощи в Конвенции

Поскольку механизм ВПП предлагает практический консенсусный подход к использованию глобальных мер в борьбе с транснациональной преступностью, он стал популярным международным решением для преодоления трудностей, связанных с введением универсальной юрисдикции в рамках обычного права (Vũ, 2023). Государства, которые категорически отказываются от универсальной юрисдикции на своей территории, считают приемлемым сотрудничество в рамках стандартных

---

¹² Иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом YouTube, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

положений о ВПП. Поэтому в Конвенцию были включены положения о ВПП по нескольким позициям, чтобы облегчить судебные разбирательства по пресечению киберпреступлений. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) отмечает, что ВПП – это механизм, который способствует международному сотрудничеству, позволяя странам обмениваться электронными доказательствами и помогать в трансграничных расследованиях. Это имеет огромное значение для решения проблем, связанных с преступлениями, совершаемыми с использованием технологий киберпространства. Соответственно, Конвенция обеспечивает основу для эффективного сотрудничества стран при соблюдении прав человека и правовых гарантий. Она также направлена на оптимизацию традиционных методов расследования для адаптации к цифровой среде.

2.3.1. Координация на основе консультаций

Статья 22(5) предусматривает обязательную координацию усилий между государствами-участниками при осуществлении юрисдикции в отношении конкретного киберпреступления. Это первоначальный этап осуществления взаимной правовой помощи – проведение взаимных консультаций по юрисдикционным вопросам, касающимся судебного преследования за киберпреступление, для предотвращения юрисдикционных конфликтов в киберпространстве. Положение о консультациях содержится в Конвенции и представляет собой координационный механизм для решения проблем, связанных с транснациональным характером киберпреступности. Ссылаясь на положения 1 и 2 той же статьи, Конвенция предоставляет различным государствам право заявлять о своей юрисдикции в отношении конкретного инцидента, связанного с киберпреступностью, на основе таких факторов, как, например, место совершения преступления, место проявления его последствий, гражданство преступника либо жертвы. В основе этого положения лежит требование к компетентным органам консультироваться друг с другом для координации своих действий, что может включать обмен информацией, согласование стратегий расследования и уточнение границ юрисдикции.

Это положение распространяется на случаи, когда государство-участник либо получает официальное уведомление, либо ему становится известно о том, что другое государство возбуждает судебный иск в связи с тем же деянием. Тем самым гарантируется, что государства будут проявлять бдительность в отношении возможного дублирования в их судебных разбирательствах. Цель – избежать дублирования судебных разбирательств, поскольку киберпреступления, в силу их транснационального характера, часто охватывают несколько юрисдикций. Без координации разные государства могут проводить параллельные расследования или судебные преследования. Такие координирующие консультации помогают избежать дублирования усилий и сводят к минимуму риск возникновения противоречивых правовых действий. Кроме того, благодаря сотрудничеству на ранних этапах процесса расследования государства-участники могут объединять ресурсы и опыт, обеспечивая более эффективное реагирование на сложную трансграничную преступную деятельность. Межгосударственная координация также помогает избежать ситуаций, когда права лиц, находящихся под следствием, могут быть нарушены в результате многочисленных, потенциально дублирующих друг друга судебных действий. Все это способствует сбалансированному подходу, при котором усилия правоохранительных органов не приводят к непреднамеренному нарушению процессуальных норм в различных юрисдикциях.

Таким образом, когда государству-участнику становится известно, что другое государство инициировало судебное разбирательство, связанное с тем же киберпреступлением, положение о координации обязывает соответствующие органы проводить консультации. Целями этого координирующего диалога являются согласование действий сторон, обеспечение эффективного расследования и в конечном счете результативное отправление правосудия при соблюдении правовых рамок всех вовлеченных государств.

2.3.2. Принципы международного сотрудничества

Статья 35 Конвенции предусматривает организацию международного сотрудничества в области сбора, хранения и обмена электронными доказательствами для уголовных расследований и судебных разбирательств, связанных с киберпреступностью, и рассматривает руководящие принципы этих процессов. Статья относится к электронным доказательствам, собранным в связи с киберпреступлениями, включая доказательства, хранящиеся в системах информационных и коммуникационных технологий или передаваемые с их помощью, которые могут иметь решающее значение для установления факта совершения преступных деяний в цифровой сфере.

Цель данного положения – содействовать международному сотрудничеству в области обмена цифровыми доказательствами путем создания правовых рамок для получения, хранения и распространения доказательств. Эта норма способствует обеспечению целостности доказательств, необходимых для расследования киберпреступлений, при одновременной защите законных прав участников. Любой запрос на сбор электронных доказательств или обмен ими должен соответствовать внутреннему законодательству и международным обязательствам; должны соблюдаться процедуры, гарантирующие, что запрос является законным, необходимым и соразмерным расследуемому преступлению. Этот подход соответствует европейскому Регламенту о постановлениях в отношении производства и сохранения электронных доказательств по уголовным делам¹³. Таким образом, доказательства, полученные в соответствии со ст. 35, должны использоваться исключительно для уголовного расследования или судебного разбирательства, для которого они были запрошены. Это ограничение критически важно для защиты прав отдельных лиц и предотвращения потенциального неправомерного использования конфиденциальной личной или коммерческой информации. Признавая, что сбор электронных данных и обмен ими сопряжены с особыми техническими и юридическими трудностями, ст. 35 устанавливает процедуры для поддержания надежной цепочки хранения таких данных. Кроме того, она гарантирует, что процедуры сбора, хранения и передачи доказательств обеспечивают их подлинность и приемлемость в суде. В конечном счете это помогает предотвратить злоупотребления или использование доказательств способами, нарушающими основные права.

В целях усиления защиты прав человека ст. 35 устанавливает механизм надзора за процессом передачи доказательств. Судебный или административный контроль способствует предотвращению злоупотреблений и обеспечению того, чтобы права,

¹³ EC. (2018, April 17). COM(2018) 225 final. <https://clck.ru/3QfdJS>

защищаемые национальным и международным законодательством, не нарушались в процессе сбора доказательств и обмена ими.

Значение ст. 35 заключается в ее вкладе в укрепление трансграничного сотрудничества за счет наличия общих правил и процедур. Кроме того, ст. 35 поддерживает эффективные совместные межгосударственные судебные операции по борьбе с киберпреступностью. Это сотрудничество имеет важное значение для борьбы со сложными транснациональными преступлениями и для укрепления взаимного доверия между правовыми системами, которые могут иметь различные нормы, касающиеся доказательств и конфиденциальности¹⁴. Эта статья также призвана создать баланс между расширением возможностей правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью и обеспечением защиты основных прав. Тем самым она способствует правовой определенности, поскольку предлагает четкие правила сбора и передачи электронных доказательств. Эта определенность предотвращает потенциальные коллизии законов или злоупотребления, которые в противном случае могли бы возникнуть, когда цифровые данные пересекают международные границы (Iftikhar, 2024).

2.3.2.1. Единая система экстрадиции

Экстрадиция подозреваемых в киберпреступлениях является сложной и противоречивой юридической проблемой из-за специфического транснационального характера этих преступлений. Одно киберпреступление может быть совершено в нескольких юрисдикциях. Поэтому ст. 37 Конвенции содержит подробную правовую базу ВПП, касающуюся выдачи киберпреступников. Статья применяется к киберпреступлениям, определенным исключительно в данной Конвенции, когда подозреваемый находится на территории государства, которому направляется запрос. Экстрадиция допускается только в том случае, если предполагаемое преступление наказуемо в соответствии с законодательствами как запрашивающего, так и запрашиваемого государств. В случаях, когда запрашивается выдача для приведения в исполнение окончательного приговора, запрашиваемое государство может действовать в соответствии со своим внутренним законодательством. Государство-участник может, если это разрешено внутренним законодательством, осуществлять выдачу за преступления, предусмотренные Конвенцией, даже если эти преступления не являются наказуемыми в соответствии с его национальным законодательством. В случаях, когда запрос об экстрадиции касается нескольких правонарушений, по крайней мере одно из которых влечет за собой выдачу, а другие не являются таковыми, но связаны между собой, весь запрос может быть рассмотрен в соответствии с положениями указанной статьи. В Конвенции принят расширительный подход к выдаче киберпреступников, поскольку экстрадиция представляет собой эффективный инструмент для пресечения деятельности серьезных преступников и защиты международного сообщества (Ochi, 2024). Более того, этот подход соответствует принципу гибкости, необходимой для поддержания эффективного стандарта ВПП (Abdelkarim, 2024) в соответствии с традиционным обязательством *aut dedare aut*

¹⁴ Pillai, P. (2023, August 4). Symposium on Ljubljana – The Hague Convention on Mutual Legal Assistance: Critical Reflections – Lessons Learned: Civil Society Engagement in Treaty Negotiations. *OpinioJuris*. <https://clck.ru/3QfhHm>

judicare в отношении киберпреступников. В этом контексте экстрадиция приобретает приоритетное значение, поскольку она помогает пресечь серьезные преступления.

Устанавливая легитимную защиту для системы экстрадиции, Конвенция приводит запросы о выдаче в соответствии с внутренним законодательством или применимыми международными договорами запрашиваемого государства, включая условия, касающиеся минимальных наказаний и оснований для отказа. Государствам рекомендуется ускорить процедуры, упростить требования к доказательствам и при необходимости в экстренных случаях принимать обеспечительные меры (такие как временное содержание под стражей), используя доступные каналы (такие как Интерпол) для обеспечения присутствия подозреваемого на процедурах экстрадиции. Кроме того, если подозреваемый является гражданином запрашиваемого государства, оно должно передать дело для судебного преследования или рассмотреть альтернативные меры, такие как условная экстрадиция, обеспечивая при этом справедливое обращение с подозреваемым и защиту его прав. Наиболее важным является то, что экстрадиция не может быть осуществлена по дискриминационным основаниям, например, по признаку расы, религии и т. д., а также в ней не может быть отказано исключительно по финансовым соображениям; любой отказ должен сопровождаться консультацией и четким изложением причин в соответствии с основными правилами выдачи в международном праве (Ochi, 2024). Наконец, государства-участники должны обязать орган, занимающийся вопросами экстрадиции, вести обновляемый глобальный реестр; также государствам следует совершенствовать механизмы выдачи с помощью двусторонних или многосторонних соглашений. Тогда государства смогли бы ликвидировать пробел, образовавшийся в правовой практике в отношении экстрадиции из-за отсутствия глобальной всеобъемлющей конвенции (van der Wilt, 2018; Tosza, 2024). Очевидно, что распространение этого правового вакуума на киберпространство дает преступникам возможность для совершения безнаказанных действий и уклонения от правосудия. Кроме того, эта дополнительная роль двусторонних соглашений соответствует ст. 28 Европейской конвенции об экстрадиции¹⁵, которая призывает государства-участники ограничить свои двусторонние соглашения для достижения целей этого регионального договора.

2.3.2.2. Передача осужденных преступников между государствами-участниками

Статья 38 Конвенции ООН о киберпреступности устанавливает факультативный механизм сотрудничества государств-участников путем передачи осужденных лиц, благодаря чему они могут отбывать наказание в другой стране. Такая передача оказывается выгодной для осужденного, поскольку перевод на его родную территорию или в другую приемлемую юрисдикцию повышает уровень комфорта и поддержки, доступных осужденному, включая доступ к семье, сообществу и знакомым юридическим процедурам. Для государств-участников этот механизм способствует более тесному сотрудничеству, потенциально облегчая административное бремя и укрепляя взаимное доверие при обращении с лицами, осужденными за правонарушения, связанные с киберпреступностью.

---

¹⁵ ETS 24 – Extradition. (1957, December 13). <https://clck.ru/3QfdLf>

В соответствии со ст. 38 государствам-участникам рекомендуется заключать двусторонние или многосторонние соглашения или договоренности, позволяющие осуществлять передачу лиц, приговоренных к тюремному заключению или другой форме лишения свободы за правонарушения, связанные с киберпреступностью, что позволяет им отбывать оставшийся срок наказания на территории другой страны. Передача должна осуществляться в соответствии с основополагающими правовыми документами в области прав человека (Ochi, 2024). Это положение гарантирует, что при передаче соблюдаются стандарты в области прав человека и что с осужденным обращаются в соответствии с основополагающими правовыми и этическими нормами.

Тем самым повышается законность передачи, поскольку государства-участники должны учитывать несколько важных факторов при принятии решения о данной процедуре: 1) согласие: обеспечение согласия соответствующего лица на передачу; 2) реабилитация: рассмотрение вопроса о том, может ли передача принести пользу процессу реабилитации лица; 3) реинтеграция: оценка того, будет ли отбывание наказания в знакомой обстановке способствовать окончательной реинтеграции человека в общество.

По сути, ст. 38 предлагает гибкие рамки, соблюдающие права человека и позволяющие осужденным отбывать наказание на территории, где у них имеются более прочные связи или лучшие перспективы реабилитации. В статье признается, что, помимо наказания, решающее значение для справедливого и эффективного отправления правосудия по делам о киберпреступлениях имеют такие факторы, как согласие, реабилитация и реинтеграция.

2.3.2.3. Передача уголовного производства

Статья 39 Конвенции способствует международному сотрудничеству в судебной сфере, поскольку позволяет государствам-участникам передавать уголовные разбирательства, связанные с преступлениями, предусмотренными Конвенцией. Основная цель данной статьи заключается в повышении эффективности и результативности уголовного преследования за транснациональные киберпреступления посредством более целенаправленного и последовательного процесса. Расследования киберпреступлений часто охватывают несколько юрисдикций, что может привести к фрагментарному и неэффективному судебному разбирательству. Поэтому ст. 39 призывает стороны рассмотреть возможность передачи уголовного преследования за совершение преступления в одну юрисдикцию, когда это отвечает интересам надлежащего отправления правосудия. Идея состоит в том, чтобы сконцентрировать усилия прокуратуры на единой централизованной платформе, тем самым сократив дублирование, сведя к минимуму противоречивые процедуры и в конечном счете упростив весь судебный процесс.

Действительно, сосредоточив производство в рамках одной юрисдикции, можно улучшить координацию между следственными органами и повысить эффективность использования важнейших доказательств. Такая консолидация обеспечивает организованный подход к сложным делам, что особенно ценно, когда речь идет о технических доказательствах, цифровых данных или многочисленных элементах международного дела. Поскольку государства традиционно обуславливают передачу уголовного производства наличием двустороннего или многостороннего

договора, регулирующего такую передачу, ст. 39(2) разрешает государствам-участникам запрашивать передачу у другого государства, с которым не существует международного договора, полагаясь исключительно на Конвенцию в качестве правового основания для такой передачи. Более того, это положение гарантирует, что отсутствие отдельного договора не станет препятствием для международного сотрудничества. Таким образом, Конвенция служит правовой основой для передачи судебных разбирательств, поддерживая бесперебойное сотрудничество судебных систем (de Jonge, 2020), в частности в неотложных или сложных делах о киберпреступлениях, в которых традиционные договорные рамки могут отсутствовать или быть недостаточными. Кроме того, на практике различные сложности могут затруднять передачу дел между различными юрисдикциями, включая, например, логистические задержки и технические проблемы (de Jonge, 2020). В указанной работе Европейская конвенция о передаче производства по уголовным делам¹⁶ рассматривается как региональная правовая основа для передачи уголовного производства. Автор считает, что сферы с открытыми границами должны подразумевать единую согласованную правовую базу, регулирующую процесс передачи. Открытость киберпространства служит основанием для включения этого подхода в Конвенцию, так как он облегчит преследование и судебное разбирательство киберпреступлений. Таким образом, автор утверждает, что киберпространство стало дополнительным *locus delicti* при взаимодействии людей в Интернете. Его универсальность способствует достижению преступных целей на транснациональном уровне, что придает процессу передачи уголовных дел космополитический характер.

Таким образом, ст. 39, разрешая передачу производства для предотвращения ошибок, связанных с фрагментацией юрисдикции, повышает эффективность судебной системы. Результатом становятся более четкие цепочки доказательств, более простое применение закона, а также сокращаются процессуальные задержки, которые в противном случае могли бы поставить под угрозу успешное судебное преследование киберпреступлений.

2.3.2.4. Общие принципы взаимной правовой помощи

В ст. 40 Конвенции говорится о практических процедурных мерах, необходимых для содействия международному сотрудничеству в рамках концепции ВПП в борьбе с киберпреступностью. По сути, эта статья призвана создать основу для быстрой, безопасной и законной передачи доказательств, хранящихся в электронном виде, между государствами-участниками. В мире, где киберинциденты и подтверждающие их данные или коммуникации легко пересекают национальные границы, ст. 40 устанавливает обязательства государств-участников по оказанию помощи, когда одному государству требуются доказательства от другого для уголовного расследования или судебного преследования. В ней признается, что эффективность расследований киберпреступлений зависит от способности получать, сохранять и обмениваться электронными доказательствами без неоправданных задержек (De Busser, 2017; Kerttunen & Rantala, 2022), что требует от государств-участников принятия необходимых технических и законодательных мер, обеспечивающих быструю и безопасную обработку запросов на

¹⁶ Council of Europe. (1972, May 15). ETS No. 73. <https://clck.ru/3QfdV3>

получение доказательств. Таким образом, статья кодифицирует ответы государств на запросы о предоставлении цифровых доказательств, тем самым укрепляя общую международную правовую базу и создавая правовую основу для ВПП.

Хотя эта статья обязывает государства к сотрудничеству, она в то же время подчеркивает важность уважения национальных правовых систем и суверенного процесса принятия решений. Иными словами, хотя государство и обязано содействовать иностранным органам в получении доказательств, этот процесс должен соответствовать внутреннему законодательству. Государства сохраняют контроль над доказательствами, находящимися на их территории; любой трансграничный обмен должен осуществляться с должным учетом конституционных гарантий и верховенства закона, что представляет собой баланс между ВПП и национальным суверенитетом¹⁷ (Abdelkarim, 2024). Действительно, подход Конвенции способствует укреплению доверия между государствами-участниками, поскольку обеспечение четкого процесса, соответствующего национальному законодательству и защищающего права человека, побуждает их делиться конфиденциальными сведениями.

Важным аспектом ст. 40 является закрепленное в ней уважение основных прав. Сотрудничая в области обмена электронными доказательствами, государства-участники должны избегать нарушения прав человека, особенно в том, что касается неприкосновенности частной жизни и защиты данных. Таким образом, необходимо, чтобы любые меры по сбору, передаче или использованию таких доказательств соответствовали международным обязательствам государства в области прав человека. Этот баланс имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы борьба с киберпреступностью не подрывала личных свобод.

Киберпреступники извлекают выгоду из безграничности цифровых сетей. Когда злоумышленники действуют в нескольких юрисдикциях, ни одна страна не имеет достаточных средств для борьбы с ними. Поэтому для обеспечения практического сотрудничества ст. 40 призывает к созданию специальных административных и технических каналов. Это может быть создание национальных контактных центров или защищенных систем для обмена электронными доказательствами с целью сокращения задержек и снятия бюрократических препон, которые в противном случае могли бы помешать своевременному расследованию киберпреступлений.

Подводя итог, можно сказать, что ст. 40 имеет ключевое значение, поскольку способствует преодолению практического разрыва между различными правовыми системами и технологическими реалиями. Она предоставляет государствам механизм коллективного и эффективного преследования киберпреступников, а также устанавливает барьеры, гарантирующие, что сотрудничество не будет подрывать правовые нормы или стандарты в области прав человека. Однако ее фактическое применение в решающей степени зависит от адаптации на национальном уровне, поскольку государства-участники будут инкорпорировать принципы ст. 40 во внутреннее законодательство с помощью подходов, отражающих местные правовые традиции. Поэтому выполнение конвенционных обязательств может варьироваться в зависимости от

---

¹⁷ Pillai, P. (2023, August 4). Symposium on Ljubljana – The Hague Convention on Mutual Legal Assistance: Critical Reflections – Lessons Learned: Civil Society Engagement in Treaty Negotiations. *OpinioJuris*. <https://clck.ru/3QfhHm>

конкретного государства. Следовательно, согласующий орган должен взять на себя решение этой дилеммы и внедрить согласованные схемы реализации этих принципов, адаптируемые к юрисдикциям государств-участников.

Заключение

Хотя универсальная юрисдикция является надежной нормой международного права, она по-прежнему сталкивается с юридическими и практическими трудностями, которые препятствуют ее четкому применению. Официальные органы часто отказываются передавать уголовные дела в иностранные юрисдикции, что и привело к созданию концепции ВПП. Этот механизм был введен в международную правовую практику на основе консенсуса, чтобы устранить проблемы применения универсальной юрисдикции. Взаимная правовая помощь – это универсальная приемлемая форма межгосударственного правового сотрудничества, направленного на пресечение тяжких преступлений. В частности, эта концепция подходит для борьбы с серьезными транснациональными преступлениями благодаря глобальному консенсусу.

Настоящее исследование доказывает, что благодаря эффективности ВПП в борьбе с серьезными международными преступлениями этот механизм был принят в качестве основы для борьбы с киберпреступлениями. Последние используют неопределенный характер киберпространства, не имеющего границ, что приводит к значительному развитию транснациональной преступной деятельности. Таким образом, ВПП представляет собой подходящее решение, которое должно быть принято в рамках международного соглашения, а именно Конвенции ООН о киберпреступности. Доказаны преимущества этого механизма как практической альтернативы универсальной юрисдикции. Как показало наше исследование, адаптируемость обязательств по ВПП к национальному законодательству позволяет принять эту концепцию как часть Конвенции о борьбе с киберпреступностью.

Список литературы

- Abdelkarim, Y. A. (2024). A Multi-Dimensional Approach to Impose Universal Jurisdiction in International Legal Practice. *International Journal of Law in Changing World*, 3(1), 20–32. <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v3i1.87>
- De Busser, E. (2017). The Digital Unfitness of Mutual Legal Assistance. *Security and Human Rights*, 28, 161–179. <https://doi.org/10.1163/18750230-02801008>
- de Jonge, B. (2020). Transfer of criminal proceedings: from stumbling block to cornerstone of cooperation in criminal matters in the EU. *ERA Forum*, 21, 449–464. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00616-8>
- Iftikhar, S. (2024). Cyberterrorism as a global threat: a review on repercussions and countermeasures. *PeerJ Computer Science*, 10, e1772. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.1772>
- Fernandez-Jankov, F. F. (2025). Universal jurisdiction ensuring the rule of law in international criminal proceedings. *Strani Pravni Život*, LXIX(4). https://doi.org/10.56461/SPZ_24405KJ
- Hartig, A. (2023). *Making Aggression a Crime Under Domestic Law: On the Legislative Implementation of Article 8bis of the ICC Statute*. TMC Asser Press. <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-591-1>
- James, J. I., Gladyshev, P., & Zhu, Y. (2016). A survey of mutual legal assistance involving digital evidence. *International Journal of Law and Information Technology*, 24(3), 237–265. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaw008>
- Kerttunen, M., & Rantala, T. (2022). Digital evidence in comparative criminal procedure: International cooperation and mutual legal assistance. *Transnational Criminal Law Review*, 4(1), 55–78.
- Kittichaisaree, K. (2017). *Public International Law of Cyberspace*. Springer International Publishing.

- Mung'omba, I. (2022). Universal Jurisdiction as a Tool in Promoting Accountability for International Crimes in Africa: Exploring the Significance of Hissene Habre's Conviction. In E. C. Lubaale, & N. Dyani-Mhango (Eds.), *National Accountability for International Crimes in Africa*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88044-6>
- Ochi, M. (2024). *The Premises of International Criminal Procedure: Identifying the Principles in International Collaboration*. Shinzansha and Springer Nature Singapore Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-97-6786-1>
- Osula, A.-M. (2015). Mutual legal assistance & other mechanisms for access to extraterritorial evidence: A study on prospects and challenges in the digital age. *Masaryk University Journal of Law and Technology*, 9(1), 43–63. <https://doi.org/10.5817/MUJLT2015-1-4>
- Pielemeier, J. (2025). Mutual legal assistance under the UN cybercrime convention: Continuity and change in international cooperation against cybercrime. *International and Comparative Law Quarterly*, 74(2), 389–416.
- Sadat, L. N. (2023). Understanding the New Convention on Mutual Legal Assistance for International Atrocity Crimes. *ASIL Insights*, 27(12).
- Sadowski, M. M. (2025). The Ljubljana – The Hague Convention: A Treaty for the Globalised and Interconnected World? Perspectives from a Legal Semiotics Analysis. *International Journal for the Semiotics of Law*, 38, 1763–1780. <https://doi.org/10.1007/s11196-025-10267-y>
- Scher-Zagier, E. (2024). *The New UN Cybercrime Treaty Is a Bigger Deal Than Even Its Critics Realize*. Lawfare.
- Tosza, S. (2024). Cross-border access to electronic evidence in criminal matters: Between mutual legal assistance and new cooperation instruments. *New Journal of European Criminal Law*, 15(3), 251–272. <https://doi.org/10.1177/20322844241258649>
- van der Wilt, H. (2018). Extradition and Mutual Legal Assistance in the Draft Convention on Crimes Against Humanity. *Journal of International Criminal Justice*, 16(4), 795–812. <https://doi.org/10.1093/jicj/mqy037>
- Vũ, H. A. (2023). Practices of Mutual Legal Assistance in Criminal Matters between Vietnam and Southeast Asia Countries. *International Journal of Criminal Justice Science*, 18(1), 64–78.
- Yee, S. (2011). Universal Jurisdiction: Concept, Logic, and Reality. *Chinese Journal of International Law*, 10(3), 503–530. <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmr041>

Сведения об авторе

Абделькарим Яссин Абдалла – магистр права, судья, Экономический суд г. Асьют, основатель международной программы киберюриспруденции (CyJurII)

Адрес: 2090281, Египет, административный округ Асьют, г. Асьют, Корниш аль-Нил (аль-Тавра), Асьют 2

E-mail: yassinabdelkarim91@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7388-1337>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=59725007500>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/JPW-9781-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=kPFaAC0AAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.87 / Международное право

Специальность ВАК: 5.1.5 / Международно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 8 мая 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 24 мая 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 20 декабря 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 25 декабря 2025 г.

Research article

UDC 34:004:341.4:336.225.692:341.123

EDN: <https://elibrary.ru/ftfsob>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.22>

UN Cybercrime Convention: Implementing the Mutual Legal Assistance in the Digital Age

Yassin Abdalla Abdelkarim

Asyut Economic Court, Asyut, Egypt

Keywords

cybercrime,
cyberterrorism,
digital technologies,
extradition,
international cooperation,
international criminal law,
international law,
jurisdiction,
law,
mutual legal assistance

Abstract

Objective: to explore the evolution and comparative effectiveness of mutual legal assistance as a practical alternative to universal jurisdiction in the context of countering transnational cybercrime based on the provisions of the UN Cybercrime Convention.

Methods: the paper employs the method of in-depth legal analysis of international legal tools with an emphasis on the provisions of the United Nations Cybercrime Convention. The author has conducted a comparative legal study of the mechanisms of universal jurisdiction and mutual legal assistance, including the study of historical precedents of the application of universal jurisdiction and the evolution of the mutual legal assistance concept within common law, bilateral and multilateral international agreements. Special attention is paid to the analysis of the Hague Convention on Mutual Legal Assistance as a model for organizing international cooperation. The research relies on doctrinal developments and practical results of the application of the legal mechanisms under consideration in the fight against digital threats.

Results: the analysis demonstrated that, despite the humanitarian potential of universal jurisdiction, which allows national courts to carry out extraterritorial prosecution of serious crimes, its practical application is significantly hampered by opposition from sovereign states and selective law enforcement under political influence. An effective consensual alternative is the mechanism of mutual legal assistance, which promotes international judicial cooperation and ensures coordinated counteraction

© Abdelkarim Ya. A., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

to cross-border cybercrime while preserving national sovereignty. The author shows that the UN Cybercrime Convention effectively integrates the mutual legal assistance principles through consultations, coordination of jurisdictions, extradition, and transfer of convicted persons and criminal proceedings.

Scientific novelty: the study offers an innovative approach to analyzing the relationship between traditional and modern international legal mechanisms under the global digitalization. The author substantiates the conceptual position according to which the mutual legal assistance, conditioned by both common law practice and modern contractual initiatives, represents a unique comprehensive toolkit that allows overcoming the systemic limitations of universal jurisdiction in the digital age. The research demonstrated that mutual legal assistance de facto creates a consensual practice of applying universal jurisdiction based on the voluntary consent of states, which qualitatively distinguishes it from traditional approaches. For the first time, the implementation of the mutual legal assistance principles in a specialized international treaty on cybercrime was systematically analyzed.

Practical significance: the results obtained highlight the critical role of mutual legal assistance in strengthening global judicial cooperation and effectively curbing transnational cybercrime. The study demonstrates the practical effectiveness of the UN Cybercrime Convention as an effective international legal tool that ensures a balance between the sovereignty of states and the need for international judicial cooperation.

For citation

Abdelkarim, Ya. A. (2025). UN Cybercrime Convention: Implementing the Mutual Legal Assistance in the Digital Age. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(4), 543–569. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.22>

References

- Abdelkarim, Y. A. (2024). A Multi-Dimensional Approach to Impose Universal Jurisdiction in International Legal Practice. *International Journal of Law in Changing World*, 3(1), 20–32. <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v3i1.87>
- De Busser, E. (2017). The Digital Unfitness of Mutual Legal Assistance. *Security and Human Rights*, 28, 161–179. <https://doi.org/10.1163/18750230-02801008>
- de Jonge, B. (2020). Transfer of criminal proceedings: from stumbling block to cornerstone of cooperation in criminal matters in the EU. *ERA Forum*, 21, 449–464. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00616-8>
- Iftikhar, S. (2024). Cyberterrorism as a global threat: a review on repercussions and countermeasures. *PeerJ Computer Science*, 10, e1772. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.1772>
- Fernandez-Jankov, F. F. (2025). Universal jurisdiction ensuring the rule of law in international criminal proceedings. *Strani Pravni Život*, LXIX(4). https://doi.org/10.56461/SPZ_24405KJ
- Hartig, A. (2023). *Making Aggression a Crime Under Domestic Law: On the Legislative Implementation of Article 8bis of the ICC Statute*. TMC Asser Press. <https://doi.org/10.1007/978-94-6265-591-1>
- James, J. I., Gladyshev, P., & Zhu, Y. (2016). A survey of mutual legal assistance involving digital evidence. *International Journal of Law and Information Technology*, 24(3), 237–265. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eaw008>

- Kerttunen, M., & Rantala, T. (2022). Digital evidence in comparative criminal procedure: International cooperation and mutual legal assistance. *Transnational Criminal Law Review*, 4(1), 55–78.
- Kittichaisaree, K. (2017). *Public International Law of Cyberspace*. Springer International Publishing.
- Mung'omba, I. (2022). Universal Jurisdiction as a Tool in Promoting Accountability for International Crimes in Africa: Exploring the Significance of Hissene Habre's Conviction. In E. C. Lubaale, & N. Dyani-Mhango (Eds.), *National Accountability for International Crimes in Africa*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88044-6>
- Ochi, M. (2024). *The Premises of International Criminal Procedure: Identifying the Principles in International Collaboration*. Shinzansha and Springer Nature Singapore Ltd. <https://doi.org/10.1007/978-981-97-6786-1>
- Osula, A.-M. (2015). Mutual legal assistance & other mechanisms for access to extraterritorial evidence: A study on prospects and challenges in the digital age. *Masaryk University Journal of Law and Technology*, 9(1), 43–63. <https://doi.org/10.5817/MUJLT2015-1-4>
- Pielemeier, J. (2025). Mutual legal assistance under the UN cybercrime convention: Continuity and change in international cooperation against cybercrime. *International and Comparative Law Quarterly*, 74(2), 389–416.
- Sadat, L. N. (2023). Understanding the New Convention on Mutual Legal Assistance for International Atrocity Crimes. *ASIL Insights*, 27(12).
- Sadowski, M. M. (2025). The Ljubljana – The Hague Convention: A Treaty for the Globalised and Interconnected World? Perspectives from a Legal Semiotics Analysis. *International Journal for the Semiotics of Law*, 38, 1763–1780. <https://doi.org/10.1007/s11196-025-10267-y>
- Scher-Zagier, E. (2024). *The New UN Cybercrime Treaty Is a Bigger Deal Than Even Its Critics Realize*. Lawfare.
- Tosza, S. (2024). Cross-border access to electronic evidence in criminal matters: Between mutual legal assistance and new cooperation instruments. *New Journal of European Criminal Law*, 15(3), 251–272. <https://doi.org/10.1177/20322844241258649>
- van der Wilt, H. (2018). Extradition and Mutual Legal Assistance in the Draft Convention on Crimes Against Humanity. *Journal of International Criminal Justice*, 16(4), 795–812. <https://doi.org/10.1093/jicj/mqy037>
- Vũ, H. A. (2023). Practices of Mutual Legal Assistance in Criminal Matters between Vietnam and Southeast Asia Countries. *International Journal of Criminal Justice Science*, 18(1), 64–78.
- Yee, S. (2011). Universal Jurisdiction: Concept, Logic, and Reality. *Chinese Journal of International Law*, 10(3), 503–530. <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmr041>

Author information

Yassin A. Abdelkarim – LLM (Master of Laws), Judge, Asyut Economic Court, Founder of Cyber Jurisprudence International Initiative (CyJurII)

Address: Kornish Al Nile (Al Thawra), Asyut 2, Assiut Governorate 2090281, Egypt

E-mail: yassinabdelkarim91@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7388-1337>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=59725007500>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/JPW-9781-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=kPFaAC0AAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – May 8, 2025

Date of approval – May 24, 2025

Date of acceptance – December 20, 2025

Date of online placement – December 25, 2025